

Несостоявшийся жанр: георгики в русской литературе XVIII–XXI вв.

Георгики (греч. γεωργεῖν — «хозяйствование на земле») — песни о труде на земле. В широком смысле — это песни и поэтические произведения о сельском хозяйстве, имеющие практическое значение. В понятие «георгика» входит описание работ в поле, в саду, на винограднике, в цветнике, в огороде, ухода за животными и пчелами.

Античное происхождение жанра («Труды и дни» Гесиода, «Георгики» Вергилия) до сих пор мешает выстроить контекст его возникновения и потребности в нем той или иной национальной литературы. Нетрудно заметить, что в истории русской литературы XVIII–XX вв. эта жанровая номинация отсутствует за исключением нескольких переводов оригинальных «Георгик» Вергилия. Во французской и английской поэзии жанр прижился успешнее: следует назвать прежде всего Жака Делиля, создавшего в конце XVIII в. описательные и научно-дидактические поэмы «Сады» («*Les jardins, ou l'art d'embellir les paysages*», 1782) и «Сельский житель, или Французские георгики» («*L'homme des champs, ou les Georgiques françoises*», 1800), «Сельскую жизнь» Джеймса Томсона («*Of a Country Life*») и его же цикл «Времена года» («*The Seasons*», 1730), куда вошел также «Гимн временам года» («*Hymn to the Seasons*», 1744).

Удивительно, что аграрный характер русской жизни, продержавшийся почти до середины XX в., так и не получил соответствующего закрепления в системе жанров поэзии, где даже идиллии были редкостью, не говоря уже о прочих жанрах буколки. Автор статьи о георгиках в «Словаре литературных терминов» 1925 г. совершенно справедливо отмечает: «К сожалению, понятие „георгика“ вытеснялось всегда понятием „буколическая поэзия“, — что вообще очень помешало обособлению этого вида, и если мы имеем буколическую и идиллическую литературу, мы до сих пор не имеем земледельческой поэзии, как особого вида, хотя обособить ее и можно бы было»¹.

Тем не менее стихи о «работе на земле» в корпусе текстов русской литературы все же встречаются, хотя и не занимают в ней привилегированного места. Мы считаем, что функции георгик были передоверены другим жанрам — прежде всего эпической и лирической буколке (описательная поэма, колхозная поэма, послание), «производственным стихам», которые применительно к большей части русской поэзии корректнее называть «стихотворениями о труде», массовой песне советского времени. Однако и проза не осталась в стороне: полагаем, что к этой жанровой традиции относятся такие образцы лирической прозы, как, например, «Ода русскому огороду» В. Астафьева, и национальной эпики, как «Лад» В. Белова.

Основой жанровой семантики в таком понимании георгик становится тематическая, мотивная составляющая — комплекс мотивов, сфокусированный вокруг гармоничного труда на земле, приносящего счастье. Другой, менее значимый элемент жанра — локализация художественного пространства и этноцентризм (русские георгики имеют смысл только в России, в ее усадьбах, колхозах, на дачах, огородах, так же как и «Георгики» Вергилия — на земле Италии и в итальянских поместьях). Художественное время георгик циклично, ориентировано на календарь с его ежегодной повторяемостью аграрных циклов. Дидактизм повествования, использование императивов, которые в георгиках имеют не столько прагматический, сколько эстетический и особенно этически обязывающий характер, — еще одна черта, свойственная уже античным георгикам. Сюжет можно определить скорее в философском, нежели в субъектном аспекте — это победа порождающей себя жизни над смертью, мира над войной. В системе персонажей главную роль играет обобщенный образ земледельцев, родовые или локально-общинные отношения между ними.

Один из важнейших аспектов жанра — внетекстовый, но контекстуальный — очень важен для обстоятельств порождения и со-

хранения жанра в литературе разных эпох. В процессе создания георгик использованы обычно эпизоды из детства и юности автора или его изыскания в истории русского крестьянства. Автор, пишущий на темы, типичные для георгики, как и Вергилий (современники отмечали даже его «деревенскую внешность», «*faciē rusticana*»), вырос в деревне, в поместье или с детства знаком с разными типами аграрных работ и крестьянского труда (как А. Кольцов, Н. Заболоцкий, поэты-суриковцы, наши деревенщики). Это, по крайней мере, придает повествованию эмоциональную искренность, а процессу детализации земледельческого труда в нем — реалистическую достоверность. Отсюда проистекает, с одной стороны, лиризм русских георгик, в наибольшей степени, кстати, выразившийся в лиризации повествования в прозе («Ода русскому огороду» В. Астафьева), с другой — языковая точность, разнообразие наименований, тщательность описания всех сторон и нюансов трудовых процессов, да и сам объем русской крестьянской энциклопедии, примером которой может служить «Лад» В. Белова. Конечно, этот опыт приобретается и в зрелом возрасте, но тогда и работа на земле может обернуться скорее своими абсурдистскими аспектами, как в блог-записках Дм. Горчева, выбравшего в 2000-х гг. путь дауншифтера-горожанина в псковской деревне.

Другой внетекстовый критерий — это социальный или государственный «заказ». Георгики — своеобразная дань, уплаченная автором своему сословию (в России — дворянскому или крестьянскому) и/или государству. Примером имперского (или государственно значимого) жанра могут служить «Георгики» Вергилия, которые были написаны по заказу Октавиана Августа и его посредника — Мecenата, посвящены им и читались им в течение четырех дней. Мecenат предложил Вергилию тему этой поэмы, выполняя заказ Августа о привлечении внимания к возрождению земледелия после многолетней гражданской войны. Поэма, таким образом, задумывалась правящей элитой для ветеранов войн, которые получали наделы земли, а идиллические описания земледельческой жизни завершались обильными хвалами, расточаемыми Октавиану. Прославление Италии, ее природы, населения и исторических деятелей в годы составления поэмы было особенно актуально, так как Октавиан собирал вокруг себя силы для борьбы с восточной частью

империи; он персонифицировал собой гражданский мир и возвращение западной части империи ее первенства.

Появление Сталина в роли Отца-демиурга стало привычным мотивом многих жанров советской литературы его времени, однако в колхозных поэмах присутствие вождя минимально или становится плодом воображения героев (например, бригадира Ксении из «Флага над сельсоветом» А. Недогонова). Для Вергилия было важнее закрепить уже существовавшую аграрную традицию, поведать о ней ветеранам гражданских войн, для советской поэзии на определенном этапе, особенно в конце 1920-х гг., — изобразить борьбу старого и нового, традиционного как рутинно-отсталого и новаторского как научно обоснованного. Поэтому в советской поэзии на первый план вышли герои эпоса, и прежде всего, руководители всех рангов — от Сталина до бригадира колхозной бригады.

Тем не менее именно «имперскость» жанра помогает понять, почему отдельные его элементы актуализируются прежде всего в сталинском СССР, а не в России. Жанровые элементы, присущие георгикам, как и в римской литературе, попадают в центр литпроцесса после войны (сначала Гражданской, а затем Великой Отечественной), они порождены аграрными модернизационными реформами, носившими массовый характер (коллективизация, машинная обработка земли, переход к многополью в конце 1920-х, лесонасаждения по всей стране в конце 1940-х гг.). Историки античной экономики полагают, что Вергилиевы «Георгики» не только сформировали определенный тип риторического стиля, но и действительно в практическом ключе повлияли на развитие сельского хозяйства. То же самое мы обнаруживаем и в истории Англии и ее агрокультуры: мода на английские георгики в XVIII в. серьезно подействовала на образ мыслей и действий тогдашних фермеров.

В СССР второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. песни и колхозные поэмы и получают одобрение высших инстанций власти (Сталинские премии Н. Грибачеву за колхозные поэмы «Весна в «Победе» и «Колхоз «Большевик», В. Замятину за поэму о «сталинской лесополосе» «Зеленый заслон»). Авторитетный исследователь советской литературы совершенно справедливо отмечает, что «ни одна из разновидностей жанра не пользовалась более устойчивой поддержкой, чем

колхозная поэма»². Однако очевидная антипатия к сталинизму помешала слависту увидеть более широкий исторический контекст генезиса жанра и круга его мотивов.

Сталин, который лично контролировал распределение премий в литературе и кинематографе, по отношению к читательской аудитории шел путем полководца-императора Октавиана Августа. Социальной основой его империи, но и наиболее угнетенным классом оставалось русское крестьянство. К нему-то и был обращен пресловутый «утопизм» колхозной поэмы, массовых песен и фильмов вроде «Кубанских казаков». Картины общего колхозного праздника, уборки обильного урожая, счастливого труда на земле, свадьбы молодых, без которых не обходилась ни одна колхозная поэма, выполняли ту же эстетико-идеологическую роль, что и описание крестьянского праздника как возвращенного «Золотого века» в концовке второй песни «Георгик» Вергилия. Это позволяет сблизить жанры на основе их «имперской» идеологии возвращения ветеранов войны к труду на земле:

Чтоб просторам зеленым
Снились утро и праздник...

<...>

Парни в пляску — с разгона,
Да вприсядку — с разлета,
На лужайке зеленой
Будто в день обмолота...

<...>

А хлопцы, как видно,
Стали злее до жизни,
Как дошли до Берлина³.

Мотивы противопоставления войны миру, возвращения солдата с войны и вrastания его в мирную крестьянскую жизнь стали магистральной темой литературы второй половины 1920-х и 1940-х гг. Само присутствие и резонанс персонажа-Солдата как главного протагониста в «Торжестве земледелия» Н. Заболоцкого есть не что иное, как дань жанровой традиции. Противопоставление войны миру, возвращение к Матери-Земле, которое оборачивается нравственным возрождением, — еще один извод темы, впервые предложенный Вергилием. В открыто натурфилософском аспекте тема была поставлена позже в «деревенской прозе» — например, в уже упоминавшейся «Оде русскому огороду» В. Астафьева, лирический герой которой «изранен» войной. Послевоенный роман о возвращении солдата-крестьянина (лучший образец этого жанра, как известно, «Кавалер

Золотой Звезды» С. Бабаевского (1948)) стал наиболее значимым жанром прозы. Другое дело, что уже в конце 1940-х гг. противостояние СССР и Запада снова обострилось и на повестку дня в литературе вышла мобилизационная готовность к будущей войне.

После смерти Сталина подобная проблематика сначала перестала быть сколько-нибудь литературно значимой, а затем была вытеснена на обочину литпроцесса. Это подтверждает как известное предположение о том, что СССР стал «империей» при Сталине, мыслившем именно в имперском духе, так и то, что с конца 1950-х гг. крестьянство перестало быть значимым классом для государства и «городской» советской литературы, основанной на урбанистической культуре. В этом смысле «деревенская проза», актуализировавшая уже социальный заказ на «крестьянское», была попыткой консервативно-ностальгического реванша *Gemeinschaft* на фоне победившего *Gesellschaft*. Последним лирическим эпосом, отмеченным Ленинской премией (1980), в котором были мотивы крестьянского труда, стала поэма Е. Исаева «Даль памяти» (1976–1977).

Сейчас перспективы даже не имперского, а хотя бы лирического эпоса о крестьянском труде в стране пока побеждающей виртуальной и нефтегазовой экономики выглядят смехотворными. Эстетическую тоску бывшей крестьянской страны по радости тяжелого земледельческого труда в какой-то степени восполняют самодеятельные поэты из провинции и с любительских сайтов Интернета. Альтернативная патриотическая сетевая культура здесь противостоит либеральному поэтическому мейнстриму. К тому же ожидания аудитории «молчаливого большинства», значительная часть которой связана с деревней своим детством или родственными отношениями, порой резко расходятся с запросами столичной поэтической литтусовки или гламуризированной эстрадной поэзии. Это стало очевидным, когда, например, ролик песни «Комбайнеры» Игоря Растеряева по состоянию на начало мая 2012 г. только на YouTube просмотрен более 3,5 миллиона раз, став одним из наиболее успешных видео в Рунете (в 2010 г. вошел в десятку самых просматриваемых роликов в России). Тяжелый, малооплачиваемый труд деревенских парней («они вкалывают на комбайнах»), неинтересный современным СМИ, противопоставлен в ней «беснованию» московского гламура.

Георгики, как уже было сказано, жанр дидактический, содержащий обоснованные опытом автора и трудами ученых практические рекомендации по уходу за землей, растениями, животными и т.п. Во второй половине XX в. эту функциональную роль взял на себя не столько эпос, сколько книги о сельском хозяйстве, выполненные в научно-популярном и беллетристическом духе, вроде «Пчел» (1950) и ее переиздания «Пчелы. Книга о биологии пчелиной семьи и победах науки о пчелах» (1952) писателя И. Халифмана, которые получили не только Сталинские премии, но и высокую оценку литераторов и ученых. Сейчас это разнообразные календари садоводов и огородников, которые в 1990-е гг. перестали редактироваться профессионалами и, потеряв орфографическую и пунктуационную безупречность, приобрели зато некоторую поэтическую выразительность и эмоциональность изложения. Кстати, в тематическом плане те же «Пчелы» Халифмана как бы продолжали четвертую часть «Георгик» Вергилия, посвященную пчеловодству.

В первой трети XIX в., за исключением нескольких стихотворений А. Кольцова, русская литература знала одного земледельца — помещика. Неудивительно, что роль русских георгик с начала XIX в. для образованного правящего сословия стала выполнять «усадебная поэма». Первым ее образцом в русской поэзии стала «Жизнь Званская» Г. Державина с темой частной и локально ограниченной жизни русского помещика, хозяйствующего на своей земле. Однако был запрос и на «государственный» жанр — его удовлетворило в какой-то степени дидактическое сочинение великого просветителя и агрария-практика А.Т. Болотова, который, напомним, управлял государственными землями по поручению самой императрицы. Нелишним будет отметить, что до начала исполнения роли государственно значимого модернизатора Болотов участвовал в Семилетней войне, а когда понадобился опытный сельский хозяин для управления Киясовской волостью, купленной императрицей Екатериной II, князь С.В. Гагарин по рекомендации Вольного экономического общества предложил Болотову сначала описать эту волость, а затем принять на себя и управление ею. Таким образом, Болотов более двадцати трех лет управлял собственными Ее Величества волостями. Ученый начал свои эксперименты в Киясовской

волости, принадлежавшей Екатерине II, куда был назначен управителем в 1774 г., в 1776 г. он был назначен управителем в Богородицкую волость, тоже принадлежащую императрице. Его «Деревенское зеркало, или Общественная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтобы по ней и исполнять» вышла тремя книгами в 1798–1799 гг. и больше не переиздавалась⁴. Она стала первым русским пособием по организации труда в сельском хозяйстве. До последнего времени автор этого произведения был неизвестен, но Л.В. Милов в своей работе «От Нестора до Фонвизина», сопоставив тексты Болотова и его взгляды с содержанием «Деревенского зеркала», доказал его авторство. В этом произведении энциклопедического типа в художественной форме были изложены те наблюдения и методы хозяйствования, которые Болотов разрабатывал в многочисленных статьях, предназначенных для Вольного экономического общества и журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин».

«Георгики в прозе» Болотова, хотя и рассыпаны по разным его текстам — от «Деревенского зеркала» до сентиментальных «писем», энциклопедичны в силу объемности охвата всех аграрных устоев русской помещичьей жизни. От будущих посланий русских поэтов их отличает отсутствие четко обозначенной локализации и философствование в духе, близком как Вергилию, так и представлениям XVIII в. о «натуре».

Все это собрание и сохранение впрок даров твоих, благодетельная натура! и где... где? не видно теперь таковых же упражнений? Весь народ находится в движении и в трудах в сие время и не только земледельцы, но и прочие люди как в обиталищах сельских, так и городах самых. Те, которые не занимаются собиранием с полей плодов, упражняются в собирании, скупании или распродавании садовых и огородных овощей. По всем селениям развозятся воза, наполненные ими, и все рынки в городах установлены оными. Куда ни помотришь, везде видны яблоки, сливы, груши, орехи, морковь, репа, огурцы, арбузы и множество других мелких плодов садовых, лесных и огородных. Множество людей занимаются продажей и разными приуготовлениями из них. Здесь перемывают и солят огурцы и устанавливают в погреба теплые, там пекут яблоки и перебивают из них белейшее и пышное тесто для пастил сладких. Инде варятся разные варенья из плодов и ягод садовых, лесных и полевых. А в других местах занимаются хозяева бережным обиранием и разбором лучших и зрелейших плодов своих и так далее. Словом, все и все находится в движении по поводу тому, что все плоды, производимые тобою, нату-

ра, начали приходить в созренье и с каждым днем получают от часу множнейшее совершенство⁵.

Труд крестьян на земле у Болотова — удовольствие, он не обнаруживает и тени позднейших некрасовских страданий.

Тамо вижу и поля, усеянные множеством поселян, занимающихся: уборкой хлебов своих и собирающих в гумны свои дары, сниспосланные им от небес в лето сие. Все члены семейств их от мала до велика с охотою берут участие в сем; труде всеобщем, и все трудятся без стелания, но охотно и с удовольствием еще: иные посекают класы серпами и косами острыми, другие снашивают снопы, связанные из них, и складывают в кучи, иные взвивают их на повозки и везут в жилищи свои. Далее другие рассевают уже новые семена или готовят их для вверения вновь недрам земли, обработанной ими⁶.

Другим жанровым резервуаром мотивов, характерных для георгиев, стал значительно менее объемный жанр поэтического послания, распространенный в первой трети XIX в. (см., например, «Послание к князю Николаю Михайловичу Козловскому», «Послание к князю Николаю Михайловичу Голицыну» Н.П. Николева, «Хижина на Рпени» И. Долгорукого, «Послание к Юдину» А. Пушкина и др.). Ему, напротив, была присуща локальность, конкретность места и адресата. От идиллии и эклоги подобные тексты отличаются мотивами физического труда лирического героя в поле, на огороде, разумеется чаще всего имевшими характер поэтической условности.

Я здесь вонзаю в землю плуг,
Завет Адамов исполняя;
Или кошу свой чистый луг,
Лошадкам корму добывая⁷.

И. Долгоруков. Хижина на Рпени

Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах⁸.

А. Пушкин. Послание к Юдину

Я с детства полюбил сладчайшие труды.
Прилежный, мирный плуг, взрывающий бразды,
Почтеннее меча; полезный в скромной доле,
Хочу возделывать отеческое поле...
От гряд и заступа спешу к полям и плугу;
А там, где ручеек по бархатному лугу
Катит задумчиво пустынные струи,
В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединенный⁹.

Е. Баратынский. Родина

Со стороны собственно «крестьянской» путь русским георгиев прокладывал воронежский помещик, сын прасола А. Кольцов

(«Песня пахаря» (1831), «Урожай» (1835), «Косарь» (1836) и другие стихи). Правда, в большинстве своем труд у персонажей Кольцова переплетен с любовными переживаниями.

Во второй половине века в поэмах и стихах Н.А. Некрасова крестьянский труд был изображен не с идиллической своей стороны, но как предельное страдание, мука. Буколичность предшествующих усадебных и кольцовских георгиев была разрушена. Дальнейшая драматизация труда на земле в некрасовском духе стала уделом крестьянских поэтов-суриковцев, живших, как известно, в больших городах. Вот характерные фрагменты из И. Сурикова:

Вот я вижу поле
Дальнее, родное —
И над ним без тучек
Небо голубое.
Жарко, воздух душен —
Солнце припекает...
Девушка-батрачка
Сено подгребают.
Под лучами солнца
Жарится, бедняжка;
Липнет к ее телу
Белая рубашка¹⁰.

«В поле», 1873

Полдень. Солнышко в небе высоко стоит,
От жары нет терпенья и моченьки:
Плечи, голову, руки и жгет и палит,
И невольно слипаются оченьки.
Всех стомила жара, всех замаяла лень;
И, под гнетом тяжелой дремотушки,
Люд рабочий от солнышка прячется в тень,
Отдохнуть от жары, от работушки¹¹.

«Косари», 1870–1871

Первой серьезной попыткой изобразить инициацию героя-помещика в тяжелый крестьянский труд вне идиллического и некрасовского контекстов стала сцена косьбы Левина в «Анне Карениной» Л. Толстого.

У новокрестьянских поэтов начала XX в. стихотворений, где доминируют мотивы какого-либо конкретного крестьянского труда, наберется немного. Истинно земледельческой тематикой выделяются только С. Клычков со своим Дедом и Ладой в «Кольце Лады» (1919) («Дедова пахота», «Поздно дед пришел с покоса», «Отборонье») и П. Орешин («Молотьба», «На пашне», «Страда»). У этих поэтов русские поэтические георгиев пополнились новым неомифологическим персонажем — Дедом:

Горит переметно у дедовых ног,
А хлеб по полям и зернист и высок.
Жует, как корова, солому серпом
Невидимый дед в терему расписном.

Волосья — лохмотья седых облаков,
Глаза — будто свечки далеких веков¹².

Впрочем, П. Орешин склонялся больше к некрасовской «страде», чем к неомифологизму своих соратников:

Зной палит. В крови ладони.
Рожь, как камень, под серпом.
Руки жнут, а сердце стонет,
Сердце сохнет об одном¹³.

«Страда», 1914

Кто любит пашню,
Соху двужильную, соху-матушку?
Выйди только в поле
В страдные дни подневольные.
Сила измызгана,
Потом и кровью исходит силушка¹⁴.

«Кто любит родину...», 1915

У С. Есенина практически единственный текст такого рода — «Молотьба» (1914–1916). Удивляться здесь нечему: произведения наиболее известных новокрестьянских поэтов были ориентированы на модернистскую поэтику и соответствующую аудиторию, для которой было достаточно лишь условных знаков, подтверждающих аутентичность поэта-крестьянина. Для самого же поэта была важна разовая демонстрация своей «чуждости» элитарной аудитории и близости к народу. Не изменился контекст их творчества и после революции. Так, общеизвестно умение Есенина косить и любовь поэта к косьбе, что даже стало объектом инсталлирования в его музее. Однако этот мотив в творчестве явился скорее поводом для сравнения косьбы и поэтического письма («Я иду долиной...», 1925), упрочения своей двусмысленной роли поэта из крестьян:

Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка —
Но косою выводят строчки хоть куда.
Под весенним солнцем, под весенней тучкой
Их читают люди всякие года.
К черту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?
Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.
В этих строчках — песня,
в этих строчках — слово.

Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком¹⁵.

В поэзии Н. Клюева мотивы крестьянского труда не развернуты в пространстве ни одного стихотворения, за исключением начала декларативного «Труда» (1918):

Свить санный воз мудрее, чем создать
«Войну и Мир», иль Шиллера балладу.
Бредете вы по золотому саду,
Не смей плод оброненный поднять.
В нем ключ от врат в Украшенный Чертог,
Где слово — жрец, а стих — раджа алмазный,
Туда въезжают возы без дорог
С билетом: Пот и Труд многообразный¹⁶.

На смену поэтам-модернистам пришло поколение крестьянской секции Пролеткульта, селькоров. Тональность советских георгики 1920-х гг. до коллективизации во многом будет определяться стихотворением все того же Орешина «На пашне» (1924):

Знаем: наши зеленя
Вырастут на славу!
Полны будут закрома...
В поле радость золотая,
Радость, радость, радость, брат,
Лапотного края!¹⁷

(см. П. Комаров «Трактор», «Сенокос», Н. Рыленков «На пасеке», Вл. Луговской «Посевная», Я. Смеляков «Мичуринский сад» и др.). Принципиально новыми мотивами советской поэзии 1920-х гг. стали работа «полевых машин», тракторов и преимущество механизированного труда над традиционным ручным. С 1930-х гг. годов наиболее значимым, практически воздействующим жанром стала массовая советская песня (см. М. Исаковский «Урожайная», А. Софронов «Вьется лист золотой...» и др.), а с 1940-х — колхозная поэма. Почти все произведения такого рода были далеки от объема, философской и тематической всеохватности поэмы, локальнее и сводились к изображению одного «идеального» колхоза.

Так, в песне конца 1940-х гг. на стихи Н. Чуева «Заживем мы веселей» зарифмованы актуальные лозунги партии в сфере управления сельским хозяйством и разведения лесонасаждений. Магистральной целью такого рода произведений, как и при Вергилии, были не лозунги из передовицы, а достижение идиллического счастья и гармонии с природой:

Суховой, держи правей,
Засуха, уймися,
Силе сталинских людей
Низко поклонися!
О дождях да о росе
Не страдать нам ночки,
А в защитной полосе
Пусть растут грибочки.
Сливы, груши, тополя,
Яблони и клены
Опяшут нам поля
Кушаком зеленым.

Крепко дерево стоит
 Сталинское наше,
 От ветров всех оградит,
 Как солдат на страже.
 Недородный, жаркий год
 Не враги нам боле:
 Потаенных талых вод
 Запасем мы море.
 Если на небе с дождем
 Будут непорядки,
 Нивы наши мы польем,
 Как цветы на грядке.
 Караси у нас в прудах,
 Утки разведутся,
 А соловушки в садах
 Песнями зальются.
 По полям своим пройдем —
 Дышится привольно.
 Нигде лучше не найдем
 Нивы травопольной.
 А богатство на селе
 Расцветет какое,
 Заживем мы веселей
 И богаче вдвое!¹⁸

В изображении крестьянских работ советские поэты следовали аграрному циклу: сначала описывались весенние полевые работы, прежде всего пахота, а в финале — уборка урожая:

Комбайн пошел, пошел, пошел
 От корни, от межи,
 И рожь шумит, как желтый шелк,
 Взлетая на ножи!¹⁹

— Хлеб идет, дорогу хлебу!
 — Хлеб идет! — Хлеб идет!²⁰

В соответствии с русской национальной традицией поэтизация всего цикла работ, связанных с уборкой хлеба, в колхозных поэмах и массовых песнях явно доминировала. Так, в первой колхозной поэме «Страна Муравия» (1934–1936), ставшей основой будущего канона уже для послевоенной эпики, развернутым дано было только изображение обмолота и колхозной усадьбы:

Из всех излюбленных работ
 любил Никита обмолот...
 Но любо было Моргунку,
 повесив теплый цеп,
 Сидеть и веять на току
 Набитый за день хлеб²¹,

свадьбы (ей отдана вся восемнадцатая глава), а также трактора и юного тракториста.

Произведением, осознанно созданным с установкой на возрождение именно античного жанра георгиев в новых условиях, стала поэма Н. Заболоцкого «Торжество земледелия» (1929–1932), которую одна из исследовательниц творчества поэта предлагает называть «гротескной травестирированной георгиев-

кой»²². Правда, с точки зрения названия она оказывается ближе сочинению о «хлебном труде» самоучки из народа Т.М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», но о знакомстве с ней Заболоцкого нам ничего не известно.

В качестве частей единой георгиев, единого жанрового комплекса Г.Н. Ермоленко рассматривает несколько поэм Заболоцкого, в том числе «Птицы» (1933) и «Деревья» (1933). Мы не считаем подобный подход оправданным, но с определением «Торжества земледелия» как гротескной и травестирированной георгиев трудно не согласиться. От себя добавим, что помимо отмеченных Г.Н. Ермоленко мотивов нельзя не обратить внимания на мотивы перехода от войны к сельскому труду:

И солдат, подняв фиал,
 Пиво пил для утоленья.
 Председатель многополья
 И природы коновал,
 Он военное дреколье
 На серпы перековал²³;

победы новых способов хозяйствования над старыми, символами которых становятся соответственно трактор и соха:

И вылез трактор, громыхая,
 Прорезав мордою века²⁴;
 Ныне строишь ты колхоз.
 Трактор, воя, возит в поле
 Твой невиданный овес.
 Длиннонога и суха,
 Сгинь, мотыга и соха!
 Начинайся, новый век!²⁵

торжества науки:

Славься, славься, Земледелье,
 Славься, пение машин!
 Бросьте, пахари, безделье,
 Будет ужин и ужин.
 Науку точную сноповязалок,
 Сеченье вымени коров
 Пойми! Иначе будешь жалок,
 Умом дородным нездоров²⁶.

Традиция георгиев переплетена у Заболоцкого с советской мифологией победы разумного и механизированного труда и авангардной неомифологией в духе Хлебникова и Циолковского. Поэтому и форма, и содержание поэмы оказались неприемлемы для советской литературы. Несмотря на то, что произведение носит ярко выраженный экспериментальный характер, с тематической точки зрения оно разнообразнее, чем будущие колхозные поэмы. Так, в нем широко представлена ското-

водческая мотивика и тропеика («Лошадный институт», конь и коровы, бык как резонерствующие и восхваляемые персонажи поэмы), очевидна и его глубокая философичность, несомненно отсылающая к Вергилию. В целом, несмотря на гротеск, поэма ближе к георгикам, чем другие эпические опыты в советской поэзии в том же роде.

Для почвенной поэзии 1960–1970-х гг. георгики оказались чуждыми. Ведущим жанром в творчестве Н. Рубцова стала, как известно, элегия. Однако мотивная составляющая георгики, как это было и раньше, перешла в лирическую и эпическую прозу. Персонаж «Оды русскому огороду» В. Астафьева — лирический герой, противопоставляющий, как и Вергилий, войну земледелию. Воспоминания о детстве и русском огороде — сфера соприкосновения с сакральным, врачевание духа для израненного ветерана.

И все не умолкает во мне война, сотрясая усталую душу. Багровый свет пробивается сквозь немую уже толщу времени, и, сплюснутая, окаменелая, но не утерявшая запаха гари и крови, клубится она во мне... Спешу, спешу, минуя кроволития и войны; цехи с клочущим металлом; умников, сотворивших ад на земле; мимо затаенных врагов и мнимых друзей; мимо удушливых вокзалов; мимо житейских дрязг; мимо газовых факелов и мазутных рек; мимо вольт и тонн; мимо экспрессов и спутников; мимо волн эфира и киноужасов... Сквозь все это, сквозь! Туда, где на истинной земле жили воистину родные люди, умевшие любить тебя просто так, за то, что ты есть, и знающие одну-единственную плату — ответную любовь.

Много ходившие больные ноги дрогнули, кожей ощутив не тундровую стынь, а живое тепло огородной борозды, коснувшись мягкой плоти трудовой земли, почували ее токи, вот уже чистая роса врачует ссадины²⁷.

Особое место в огородных ритуалах «Оды», как и во всех русских георгиках, занимает изображение весенней пахоты. Оно проникнуто религиозной — христианской и языческой символикой:

Поставив в церкви свечку, помолившись святым отцам, охранителям коней, в первый день мая по старому стилю выводил лошадей дед в огород, к плугу, а бабка тем временем поясню кланялась с крыльца ему — пахарю, молилась земле, огороду, лесу. Лемех легко, забористо входил в огородную пуховую прель, играючи шли с плугом конишки, пренебрежительно махали хвостами, отфыркиваясь: «Разве это работа?! Вот целик коренить — то работа!»²⁸

С весны и весенних полевых работ начинается календарная часть единственной в

своем роде и крупнейшей в XX в. энциклопедии русского крестьянского быта и труда Василия Белова «Лад» (1982), названная им «Очерки о народной эстетике». В отличие от очерка, повествование в книге лишено местного колорита и отличается ярко выраженным дидактизмом. Первая, календарная часть книги («Круглый год») начинается, с подготовки к весенней пахоте и следует по всему циклу важнейших аграрных работ и примет, нужных для земледельца. Однако именно дидактический энциклопедизм «Лада» не позволяет повествователю пропустить ни одной мало-мальски значимой детали весенней жизни крестьянина.

И все же весной приходят к людям свои особые радости. В поле, в лесу, на гумне, в доме, в хлеву — везде ежедневно появляется что-нибудь новое, присущее одной лишь весне и забытое за год. А как приятно встречать старых добрых знакомцев! Вот к самым баням подошла светлая талая вода — вытаскивай лодку, разогревай пахучую густую смолу. Заодно просмолишь сапоги и заменишь ими тяжелые, надоевшие за зиму валенки. Вот прилетел первый грач, со дня на день жди и скворцов. Никуда не денешься, надо ставить скворечники — ребячью радость. А то вдруг вытаяла в огороде потерянная зимой рукавица... И вспомнишь декабрьский зимник, по которому ехал с кряжами для новой бани.

Кстати, не больно-то раздумывай о том, что было. Было, да прошло. Надо, пока не пала дорога, вывезти из лесу последнее сено, да хвою на подстилку скоту, да дров — сушняку, да собрать по пути капканы, на лыжах пройдя по большому и малому путику.

И вот лошадь, пофыркивая, трусит поутру от деревни. На возу с полдюжины вершей, чтобы не тащить потом наотдельно. (Вот-вот обьявится щучий нерест: надо пропешать в озере выхода и поставить ловушки.) Обратное — с возом сена или хвои. Пока лошадь отдыхает и хрустит зеленым сенцом, пока солнце не растопит голубой наст, успевай сходить в чашу присмотреть и пометить дерева для рубки под сок. Еще набрать сосновой смолы — просила бабушка для приготовления лекарства. Хозяйка намек сделала: наломать бы сосновых лапок на помело. Тоже надо. Долго ли? Минутное дело, а вспомнить приятно, и срубить по дороге шалаш тоже требуется: как раз токуют тетерева... Еще нарубить березовых веток для гуменных метелок. И только потом, когда лошадь направится к дому и запоскрипывают гужи, можно и подремать на возу либо затянуть песню про какого-нибудь Ваньку-ключника. <...> Это она, земля, кормит и поит, одевает и нежит. Голубит в свое время цветами, обвеваает прохладой, осушая с тебя пот усталости. Она же возьмет тебя в себя и обметет, и упокоит навеки, когда придет крайний твой срок... А пока черная борозда идет и идет полосой. Пласт к пласту ложится на поле. И твой отец, или сын, или жена, или сестра уже запрят-

гают другую лошадь, чтобы боронить, ровнять эту весеннюю землю²⁹.

Задуманная как дидактический национальный эпос, книга стала скорее грандиозной эпитафией русскому крестьянству. Остается лишь верить, что городские дачники, дауншифтеры или фермеры создадут когда-нибудь новый земледельческий эпос и лирику. Стилизованные «эклоги» Т. Кибирова, блог Дм. Горчева, стихи непрофессиональных поэтов на соответствующих сайтах представляют нам некоторую надежду на это. Ведь знаем же мы такого рода прецеденты в западной литературе — «American Farmer / Philosopher Poet», как называют обычно Р. Фроста, поэтов-фермеров Р. Бернса и Дж. Клэра. Тем не менее современная агрокультура с ее интенсивностью, похоже, просто не оставляет и западному фермеру свободного времени для занятий поэзией. «Where are today's farmer poets?» («Где же сегодня поэты-фермеры?») — задается вопросом Ven Myers в разделе газеты «Гардиан», посвященном литературе³⁰.

Остановимся на двух произведениях русской поэзии последних лет, в которых, по крайней мере, в заголовочном комплексе эксплицирована связь с жанром. Это цикл из трех стихотворений «Георгики» О. Чухонцева, написанных в разное время, но объединенных вместе в подборке его стихов (2005) и стихотворение «Новые Георгики» И. Вишневецкого из сборника «Воздушная почта» (2001). Постмодернистское название последнего при первом же прочтении оборачивается не жанровой номинацией, а авторским каламбуром (его лирический локус — американский штат Джорджия, местный университет и слависты). Именно различие «новых» и «старых» георгик, филологических штудий и серьезного труда акцентировано в лирическом монологе:

Что сказали бы предки твои земледельцы,
инженеры, строители, ратный люд,
не в крови и земле перепачкав пальцы,
а в лиловых и липких чернилах? <...>
Свое зренье свернув, опускаясь в красный,
острый и теневой ландшафт годин
на горячей земле; вот и все, мой ясный,
и причем тут тяжелое стадо машин
на холмах, в предвкушенье как бы восторга,
словно магний — замершее на вспых
на горячей земле короля Георга,
по Дриудским холмам, сразу после них?³¹

Перед нами лишь одна из «локальных мифологий» этой книги, связанная с биографическим контекстом — опытом жизни и препо-

давания автора в американском штате Джорджия, которая переходит в сатиру на местное филологическое сообщество.

Все стихи, вошедшие в цикл «Георгики»³² современного поэта-классика О. Чухонцева, были написаны в 1960–1970-е гг., но контекст заново созданного авторского цикла вынуждает нас рассматривать их в русле соответствующей жанровой и биографической традиции. Из предисловия к одному из изданий подборки стихов поэта мы узнаем о его полудеревенском детстве:

А вообще жизнь, которой мы жили, была самая простая, где надо было пилить и колоть дрова, носить воду с колонки, копать картошку и делать заготовки на зиму из всего, что росло тут же на огороде, — да мало ли что, целый порядок работ, и так год за годом. Каково же было мое удивление, когда я впервые узнал, что существует и другая жизнь, умственная, и что эта жизнь для многих является такой же важной, как для нас рубка капусты³³.

В самом цикле элегическая, безысходная мотивика первого стихотворения, вызывающего в памяти бунинскую «Старуху» и не-красовскую «страду деревенскую»:

День-деньской она все шьет да порет,
моет пол да садит огород
и за мукой мученской не помнит,
сколько лет спокойной жизни ждет³⁴

сменяется во втором стихотворении («Огурцы») гораздо более привычными для георгик мотивами возвращения к земле:

И вот сосед снимает китель,
Фуражку вешает на гвоздь,
Он, огородник и любитель,
Почувял страсть и даже злость.
О, как ему осточертело —
Дежурка... граждане... народ...
Вот огурцы — другое дело.
Деревня... Детство... Огород...
Соли, соли, пока не поздно,
Смурную душу отводи,
Гляди не грозно, а серьезно
И даже весело гляди³⁵

и общим праздником сбора урожая:

У нас живут на огородах.
Наш первый праздник — первый сбор.
Как бы на торжище природы,
таскают овощи на двор³⁶.

В третьем стихотворении изображается ежегодная уборка картошки в провинции, восстанавливающая в обобщенном современном горожанине архаичного и самодостаточного земледельца-хозяина:

В воскресный день в начале сентября,
Когда недели две до листопада,
Весь город валит валом на поля,

В руке мешок, а на плече лопата.
 Вот здесь, вблизи проселочных дорог,
 Невдалеке от заводских окраин —
 Дави на штык да жми на черенок,
 Поскольку ты кормилец и хозяин.
 Копай, копай, да слушай стук лопат,
 Да думай, думай — тайно или явно:
 Москва слезам не верит — это факт,
 А уж районный город — и подавно.
 Он лупит завидушие глаза.
 Он тянется своей большою ложкой.
 Он, может быть, и верит в чудеса,
 Но прежде запасается картошкой.
 Она прекрасна, как сама земля
 Прекрасна³⁷.

Нужно отметить, что картошка занимает в русских георгиках XX в. особое, привилегированное место. Настоящим гимном ей завершается «Ода русскому огороду». Повтор в двух последних стихотворениях акцентированных императивов («соли, соли», «копай, копай») сообщает лирическому циклу Чухонцева дидактизм, свойственный георгикам. Тем не менее «жанровая модальность»³⁸ — невозможность для поэзии XX в. какой-либо жанровой цельности — доминирует: последний стих завершается вполне элегической концовкой:

Отчего ж тогда не рада
 Твоя душа? Какая ей досада
 На этот день в начале сентября?³⁹

Итак, русские георгики не состоялись как самостоятельный жанр, но содержательная проблематика «работы на земле» оказалась значимой для разных жанров и направлений русской литературы XVIII–XXI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Богоявленский Л.* Георгики // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина и др. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1: А–П. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-1621.htm>. Дата обращения 10.01.2012.

² *Добренко Е.* Раешный коммунизм: поэтика утопического натурализма и сталинская колхозная поэма // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/98/do15.html>. Дата обращения 10.01.2012.

³ *Грибачев Н.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1971. Т. 2: Стихотворения. Поэмы. С. 354–355.

⁴ *Болотов А.Т.* Деревенское зеркало, или Общественная книга: В 3 ч. СПб., 1798.

⁵ *Болотов А.Т.* Письма о красотах природы // Болотов А.Т. Избранное. Псков, 1993. С. 236.

⁶ Там же. С. 234.

⁷ Сельская усадьба в русской поэзии XVIII — начала XIX века. М., 2005. С. 369.

⁸ Там же. С. 190.

⁹ Там же. С. 195–196.

¹⁰ И будет вечен вольный труд...: Стихи русских поэтов о родине / Сост., вступ. ст. и коммент. Л. Асанова. М.: Правда, 1988. С. 252.

¹¹ Там же. С. 270.

¹² *Орешин П.* Стихотворения и поэмы. М., 1958. С. 39.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ *Есенин С.* Полное собрание сочинений. М., 2005. С. 307.

¹⁶ *Клюев Н.* Избранное. М., 2009. С. 310.

¹⁷ Лирика 20-х годов. Фрунзе, 1976. С. 350–351.

¹⁸ *Чуев В.* Заживем мы веселей... [Электронный ресурс]. URL: <http://sovmusic.ru/text.php?fname=zazhivem>. Дата обращения 10.01.2012.

¹⁹ *Грибачев Н.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 390.

²⁰ Там же. С. 393.

²¹ *Твардовский А.Т.* Поэмы. Избранная лирика. Фрунзе, 1974. С. 66.

²² *Ермоленко Г.Н.* Поэмы Н. Заболоцкого 1920–1930-х годов и древнеримская философская поэзия // «Странная» поэзия и «странная» проза: Фил.-л. сб., посвященный 100-летию со дня рождения Н.А. Заболоцкого: Новейшие исследования русской культуры. Вып. 3. М.: Пятая страна, 2003. С. 134.

²³ *Заболоцкий Н.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 137.

²⁴ Там же. С. 134.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ *Астафьев В.* Где-то гремит война. Киев, 1988. С. 76–77.

²⁸ Там же. С. 86.

²⁹ *Белов В.* Длинною в жизнь. Кишинев, 1984. С. 230–231.

³⁰ *Myers B.* Where are today's farmer poets? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/booksblog/2009/feb/05/farmer-poets-robert-burns>.

³¹ *Вишневецкий И.* Воздушная почта: Стихи 1996–2001. М.: НЛО, 2001. С. 62.

³² *Чухонцев О.* Из сих пределов. М.: ОГИ, 2005. С. 35–39.

³³ *Чухонцев О.* Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 11.

³⁴ *Чухонцев О.* Из сих пределов. С. 35.

³⁵ Там же. С. 37.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 38.

³⁸ *Бройтман С.Н.* Деканонизация жанров в поэтике художественной модальности // Теория литературы: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 317.

³⁹ *Чухонцев О.* Из сих пределов. С. 38.